

Т. Е. Лебедева

Динамика лексического состава группы имен существительных со значением ‘место за ориентиром’ в истории русского языка

Цель данной работы – выявить движение лексического состава апеллятивов с префиксом за- и лексическим значением ‘место за ориентиром’ в период XV–XXI вв. Материалом послужили данные исторических, диалектных словарей русского языка, Большого академического словаря русского языка и Национального корпуса русского языка. Устанавливается лексический состав группы на разных синхронных срезах: XV–XVII вв., XVIII в., XIX в., XX–XXI вв. Выявляются факты выхода лексических единиц из активного употребления, вхождения новых лексем в состав группировки; определяются типовые контексты их употребления. Прослеживаются перемещения анализируемых лексем из одной разновидности русского языка в другую, предпринимается попытка определить экстралингвистические факторы, обусловившие исторические процессы в изучаемой группировке. Делается вывод об устаревании части лексем в связи с развитием градостроительства, перемещении большого числа лексических единиц в диалектную систему русского языка во взаимосвязи с социальными и правовыми аспектами жизни общества.

Ключевые слова: историческая лексикология, пространственная семантика, диалектная лексика, лексико-семантическая группа.

Для цитирования: Лебедева Т. Е. Динамика лексического состава группы имен существительных со значением ‘место за ориентиром’ в истории русского языка // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 118–140. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_118. EDN: RKQYDB

Научное изучение истории лексики русского языка длится уже не одно десятилетие – всем хорошо известны труды В. В. Виноградова, П. Я. Черных, Б. А. Ларина¹, Ф. П. Филина [28], Н. А. Мещерского [12]; написаны диссертации, посвященные истории определенных лексико-семантических или тематических групп². При этом «[в]

© Лебедева Т. Е., 2024

¹ Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы. М.: Просвещение, 1977. 224 с.; Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период: учеб. пособие для филол. факультетов университетов. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 242 с.

² Приведем некоторые из них: Иванов С. Л. История шегольской лексики в русском языке XVIII–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 281 с.; Никитина О. В. История наименований нормативных правовых

настоящее время исследована лишь небольшая часть лексики. <...> Отдельные исследования по истории русской лексики покоятся по большей части в недрах кандидатских диссертаций и многочисленных сборников конца XX века, содержащих материалы конференций. Обобщающей работы пока не создано» [2, с. 7–8]. Эту же проблему обозначает Г. В. Судаков: «Теория исторической лексикологии русского языка еще не создана» [26, с. 7], – и далее указывает на «ограниченность источниковой базы по причине малого числа опубликованных в XX–XXI вв. текстов, отставание в разработке методологических и методических вопросов исторической лексикологии, <...> а также отсутствие координации и редкие попытки коллективных исследований» [26, с. 9].

Учитывая сказанное, изучение даже относительно немногочисленной группы лексики является актуальным для русской исторической лексикологии, ибо конкретные исследования отдельных пластов лексики являются необходимым этапом реконструкции общей истории словарного состава языка. Ф. П. Сороколетов, комментируя высказывание О. Н. Трубачева о некоторой неполноценности (ущербности) диахронического анализа какой-либо ограниченной группы лексики, писал: «...более детальные ответы на частные вопросы не исключают, а предполагают возможность обобщений и формулирования определенных закономерностей, ибо без изучения, и именно детального изучения, отдельных сторон развития каждого конкретного пласта лексики невозможны никакие более или менее серьезные обобщения; такие обобщения, как правило, рассыпаются при первом же столкновении с реальной языковой действительностью» [25, с. 4].

В русском национальном языке выделяется группа слов пространственной семантики с префиксом за- и лексическим значением 'место за ориентиром' типа *зарубежье*, *закоулок*, *захолустье*. В литературном языке лексемы такой структуры по большей части функционируют как топонимы – *Замоскворечье*, *Залесье*, *Заполье* и т. п., количество существительных-

актов латинского и греческого происхождения в русском языке XI–XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 227 с.; Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2022. 251 с. EDN: FTNTQA. Обзор статей сборников по исторической лексикологии и лексикографии содержится в статье: Е. И. Державин. Сборники статей по исторической лексикологии и лексикографии 1984–2002 гг. // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. № 3. С. 327–336. EDN: CRYKNQ.

апеллятивов невелико, в Большом академическом словаре русского языка мы насчитали всего 20 таких (см.: [3, VI])¹. В диалектах же русского языка группировка лексических единиц данной словообразовательной модели гораздо более многочисленна: Словарь русских народных говоров включает 64 таких единицы², Новгородский областной словарь – 33 слова, Псковский областной словарь с историческими данными – около 50. Понятно, что наличие в говорах значительного числа языковых единиц описываемой структуры обусловлено, в первую очередь, существованием однокоренных слов с разнообразными суффиксами (*заполек – заполица – заполка – заполье – заполице*), но и при этом количество разнокорневых лексем в диалектах оказывается большим, нежели в литературном языке.

Пласт лексики морфемной структуры «префикс за + корень со значением ориентира + суффикс» как самостоятельная лексическая группировка не становится предметом отдельного научного исследования ни в синхроническом, ни в диахроническом аспектах³. Между тем существительные данной структуры обладают своеобразным соотношением формы и содержания, имеют специфические референциальные связи (см.: [11]) и обнаруживают некоторые закономерности функционирования, значимые в контексте разработки истории лексической системы русского языка и исторической семантики.

Цель данной работы – проследить динамические процессы в лексико-семантической группе слов сходной морфемной структуры с обобщенным значением ‘место за ориентиром’ во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, обусловившими эти динамические процессы. В частности, необходимо выявить изменения лексического состава группы в диахронии, определить сферу употребления языковых единиц исследуемого пласта лексики в разные исторические периоды. В качестве отправной точки исследования следует установить, какие лексические единицы с префиксом за- и значением ‘место за ориентиром’ существовали на не-

¹ Цифра приблизительная, так как в словнике лексема может отсутствовать, а данные НКРЯ иногда показывают наличие в современном русском языке определенной языковой единицы, например, *застенье*.

² Эти цифры тоже приблизительные, так как играют роль формулировка ЛЗ в толковании слова, возможность отнесения слова как к нарицательным, так и собственным именам.

³ Если не считать публикацию тезисов автора данной статьи «Структурно-семантические особенности пространственной лексики с приставкой за- в русских говорах» [11].

скольких синхронных срезах: 1) в древнерусском / старорусском языке, 2) русском языке XVIII в., 3) русском языке XIX в. и 4) в современном русском языке. На основе полученных данных мы сможем проследить изменения в составе изучаемой лексической группировки: определить, какие лексические единицы сохранились в разных стратах русского национального языка, какие вышли из (активного) употребления и выявить внеязыковую обусловленность такой динамики.

Следуя традиционным подходам русской исторической лексикологии, мы опираемся на тезис В. В. Виноградова, гласящий, что «[с]лова, идеи и вещи должны изучаться как аналогические и взаимодействующие ряды явлений» [4, с. 6]. Необходимость изучения истории семантического развития слов и их группировок в тесной взаимосвязи с социальными изменениями в обществе подчеркивал А. А. Алексеев: «Формы, отражающие воздействие социальной структуры на язык, многочисленны и разнообразны: это социальные диалекты и жаргоны, стилистическое расслоение выразительных средств <...>. В лексико-семантической сфере это воздействие отражается не столь регулярно и более опосредованно, а между тем судить об этом воздействии в историческом прошлом можно почти всегда лишь на основании лексико-семантических явлений» [1, с. 145]. «Язык и в его функционировании, и в его исторических изменениях слишком непосредственно связан с социальной и культурной историей» [6, I, с. 40], чтобы можно было избежать обращения к вопросам, выходящим за рамки употребления языка; изучение культурного контекста является неотъемлемой частью современных исследований по исторической семантике (ср., например, такое относительно новое направление в отечественной лингвистике, как «история понятий»; в рамках этого направления исследование семантического развития слов является не целью, но средством реконструкции истории культуры и истории общества: «... история понятий – это история культуры, рассматриваемая как динамическая вербальная деятельность и раскрываемая через историю слов (языка), артикулирующих понятийную сферу» [14, с. 10]¹).

Гипотеза заключается в следующем: языковые единицы со сходной морфемной структурой с лексическим значением

¹ См. подробнее статьи, включенные в цитируемый сборник.

‘место за ориентиром’ имеют сходную судьбу; динамика лексического состава исследуемой группировки отражает процессы функционального освоения пространства городскими и сельскими жителями, этапы развития градостроительства и свидетельствует о постепенном размежевании городской и традиционной культуры.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные Словаря русского языка XI–XVII вв. (далее – СРЯ XI–XVII) [22], Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.¹ (далее – СОРЯ), Словаря русского языка XVIII в. (далее – СРЯ XVIII) [23], Словаря церковно-славянского и русского языка 1847 г. (далее – СЦСРЯ) [24], Большого академического словаря русского языка (далее – БАС-3) [3], Словаря русских народных говоров (далее – СРНГ) [21], Новгородского областного словаря (далее – НОС) [13], Словаря вологодских говоров (далее – СВГ) [20], Псковского областного словаря с историческими данными (далее – ПОС) [18]. Материалы Словаря Академии Российской и Словаря живого великорусского языка В. И. Даля отдельно не рассматриваются, так как они входят в картотеки СРЯ XVIII и СРНГ соответственно. Материалы СОРЯ дополняют картину словоупотребления, отраженную в СРЯ XI–XVII, так как в словник СОРЯ отбиралось всё, что составители, и прежде всего Б. А. Ларин, считали «не чисто книжным, не словами узкоцерковного применения или назначения; не выдуманнами "кованными" писательскими словами, не окказиональными кальками с иностранных речений, вводимых неискусными переводчиками, а лишь то, что можно считать народным, русским и обиходным...» [10, с. 658]. СОРЯ призван показать «язык устного общения и частных деловых документов, лишенных политического, общегосударственного значения» [10, с. 656]). СВГ, НОС и ПОС являются источниками картотеки СРНГ, но выпуски СВГ и ПОС на букву «з» выходили в печать позже, чем выпуски СРНГ, НОС переиздавался в 2010 году с дополнениями.

Методом сплошной выборки из перечисленных источников были отобраны отыменные нарицательные суще-

¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Электронный ресурс. URL: <https://xvi-vii.liling.spb.ru/glossary?f%5B0%5D=alpha%3Az> (дата обращения: 10.02.2024).

ствительные с префиксом за- с лексическим значением 'место за чем-либо' (или 'место за ориентиром'). Лексемы аналогичной морфемной структуры, называющие части тела человека (типа *заплечье*, *запястье*), внутридомовое пространство (*запечье*, *залавок*), и отглагольные образования (типа *засека*, *забега*, *заор* – от глаг. *орати*) не рассматриваются. Все примеры паспортизируются при первом упоминании в тексте статьи, при повторном упоминании ссылка на словарь, выпуск / том и страницу не приводятся, если это не обусловлено логикой изложения.

Словарные материалы не могут дать полной картины бытования слова в тот или иной период, что прежде всего связано с установками отбора источников материала для картотек словарей, равно как и с ограниченным объемом словарной статьи, невозможностью показать все случаи употребления слова в разных типах текстов. В силу этих обстоятельств мы также использовали данные панхронического корпуса Национального корпуса русского языка¹ (далее – НКРЯ) [19]. Как справедливо отмечает М. Ю. Колокольникова, сегодня «не вызывает сомнений и тот факт, что исследования, основанные на анализе первоисточников, имеют целый ряд преимуществ перед теми, которые опираются главным образом на словарные статьи и картотеки. В первом случае имеется, в частности, возможность изучать контекстные реализации значений лексем в разных типах дискурса в ходе эволюции языка. Важно, что подобные исследования позволяют проследить как синхронную вариативность лексем, так и диахронную, которая во многом берет свое начало в функциональной, социальной, социокультурной или географической дифференциации (неоднородности) языковых явлений» [8, с. 3].

На следующем этапе исследования был использован сопоставительный метод для установления изменений в составе изучаемой лексической группы, а также контекстуальный анализ, необходимый для определения типичных контекстов и, соответственно, сферы употребления языковых единиц на разных синхронных срезах.

¹ Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2024).

Результаты

Лексико-семантическая группа слов пространственной семантики с первичным значением 'место за ориентиром', по данным СРЯ XI–XVII вв. и СОРЯ, фиксируется в письменных источниках с XIII века. Всего в этих словарях насчитывается 58 таких существительных (повторяющиеся лексические единицы мы считали за одно слово, топонимы не входят в это число). В составе этой группировки выделяются апеллятивы и топонимы. Полный список апеллятивов будет приведен ниже; приведем примеры топонимов по материалам СРЯ XI–XVII вв., СОРЯ и ПОС: *Завеличье* 'часть средневекового Пскова за рекой Великой на противоположном кремлю берегу' [18, 11, с. 60–61]¹; *Заволочье* 'название города, административного центра Пусторжевской волости в XVI в.' [22, 5, с. 157; СОРЯ], *Заонежье* 'историческое название района Карелии, расположенного на Заонежском полуострове в северной части Онежского озера' [СОРЯ]; *Залахтовье* 'название деревни'. *Я жыла в Залахтовье, случился пажыр такой, мы и переехали сюда* [18, 11, с. 286]; *Запороги* 'местность за порогами Днепра' [СОРЯ]; *Запсковье* 'часть Пскова на правом берегу реки Псковы' [18, 12, с. 73]; также в названиях полей и пустошей: *Завражье*, *Заполица*, *Чудинцево заполье*, *Торошинское заполье*, *Заречье*, *Заручье*, *Чураков заулок* [СОРЯ].

В старорусском языке лексемы рассматриваемой модели образовывались как от основ, обозначающих элементы природного ландшафта, так и от основ, обозначающих результаты деятельности человека: элементы городской среды, села (деревни), элементы инфраструктуры (волоки, дороги), результаты освоения окружающих поселение территорий.

Наименования, мотивированные «природными» основами, это: *заболотье* [22, с. 137; СОРЯ], *заборье* [22, с. 138], *завражье* [22, с. 158; СОРЯ], *загорок* [22, с. 174], *загоры* [СОРЯ], *загорье* [22, с. 174; СОРЯ], *загубье* [22, с. 177; СОРЯ], *задолье* [СОРЯ], *заисточье* [22, с. 203], *закедровник* [22, с. 209], *закустовье* [22, с. 229; СОРЯ], *закустье* [СОРЯ], *залахта* [СОРЯ], *заледье* [22, с. 230; СОРЯ], *залозье* [22, с. 235], *залужье* [22, с. 235; СОРЯ], *залучье* [22, с. 235–236], *залывье* [22, с. 236], *заморье* [22, с. 244;

¹ Здесь и далее в примерах после номера источника в списке литературы при наличии указывается арабской цифрой номер выпуска словаря, римской цифрой номер тома словаря.

СОРЯ], заозерье [22, с. 253; СОРЯ], заострова [СОРЯ], заостровка [22, с. 254; СОРЯ], заостровье [22, с. 254; СОРЯ], заполек (вар. заполок) [22, с. 274; СОРЯ] (можно трактовать как и антропогенную основу), заполица [22, с. 274; СОРЯ], заполье [22, с. 274; СОРЯ], заречье [22, с. 288; СОРЯ], заручье [22, с. 291; СОРЯ], захребетье [22, с. 335; СОРЯ].

Наименования, мотивированные «антропогенными» основами: заволочье [22, с. 157; СОРЯ], заворотье [22, с. 158], загородье [22, с. 173; СОРЯ], задвор [СОРЯ], задворка [22, с. 179], задворок [22, с. 179; СОРЯ], задворочек [22, с. 180], задворье [22, с. 180; СОРЯ], задорица [СОРЯ], задорожница [22, с. 187], закраек [СОРЯ], закраина [СОРЯ], замежек [22, с. 237], замонастырье [22, с. 243], замостовье [22, с. 244], замостье [22, с. 244], занивье [22, с. 251], заовинье [СОРЯ], заострожье [22, с. 254], запоженье [22, с. 273], заполосок [СОРЯ], запосад [22, с. 276], заровье [22, с. 288], зарубезье [СРЯ XI–XVII, 5, с. 290; СОРЯ], зарядье [22, с. 292; СОРЯ], застенье [22, с. 304; СОРЯ], затынье [22, с. 328], захлебье [СОРЯ], зауголье [СОРЯ].

Приведем несколько типичных контекстов употребления анализируемых слов в XV–XVII вв.: *Пашины и перелогу и лесной поросли шесть волокъ сенныхъ покосов по реке Медведке по лукамъ и по **заполюю** и по **закустьем** на пятьдесят копен.* (Сл. Смол., 89, 1685 г.) [СОРЯ]; *А Коломенскому селу роз(ѣ) ѣздъ с Ногатинскимъ от **заборья** на усть Нагатинскои заводи* (Дух. и дог. гр., 48, ок. 1401–1402 г.) [22, с. 138]; *Сѣнной покосъ ... противъ **залужья*** (Кн. п. Хлын., 205. 1629 г.) [22, с. 235]; *Изяславъ же слышев Юрья в Переяславли поиде с Вячеславом на нь, и съ братом своим Святополком и с Берендичи, и перебродися у Заруба и остави товары у Мажева селца, и отголе приѣждаше быяхуса у города; и многих ту избиша от обоихъ, а **загородье** пожгоша.* [Московский летописный свод (1479–1492)]¹; *Да по **загородью** через ручей мост меж честику и городка для того, что тою дорогою ездят литовские {л. 111 об.} купцы с товары; частику около рву и городка со все четыре стороны в две колоды 165 сажен.* [Засечная книга 1638 г. (1638)]; *Сѣна промежь поль по **завражью** и по **заполюю** 1000 коп<ен>.* Кн. п. Моск. I, 857. 1594 г. [22, с. 159]. Да отхо-

¹ Здесь и далее примеры, не снабженные указанием на конкретный словарь, взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

жие пашни в дубровахъ и в борахъ и в **залужье** и за рекою Велесою семь четвертей с осминою. (Сл. Смол., 90, 1684 г.) [СОРЯ]; Отъ того лошку досталось Григорью на пять жеребьев и все **закустовье**. А. Уст. I, 157, 1569 г. [22, с. 229]. Еще один показательный контекст: се купи игнате оу станшѣ оу борисъва сына село на лоукини береги горнеи землѣ семь поль а на юрмоли верхнемъ поли оуцастокъ ѿго и въ дворищи оуцастокъ ѿго и в сосъники оуцастокъ ѿго и оу воротѣ оуцастокъ ѿго с притеребомъ и на токной веретии оуцастокъ ѿго и на великой пожнии противъ ѿгодника оуцастокъ ѿго и на великой пожни противъ двора оуцастокъ ѿго а ц(т)о противъ иванова двора пожнѣ на ѿ. куць сына а землѣ орамои пѣтери гонѣ а то тои же земли а на великой юрмоли логъ верхнемъ конци ѿго оуцастокъ тои же землѣ а в **залывзи** два перевесища а то тои же землѣ а в рички цетвертаѣ часть а на писку в тони цетвертаѣ часть и да игнате на теи землѣ ѿ. рублевъ и ѿ. сороковъ бѣлкѣ а пополонка за телицю поль третья часть бѣлѣ соби одирнѣ и своимъ дитемъ а на то послуши олекса микулинѣ родивонѣ юргевѣ грихне даниловѣ кюрьякѣ василевѣ [Купчая Игната у Станши Борисова сына на село на Лукине берегу (1440-е)].

Приведенные примеры демонстрируют некоторую закономерность (не носящую строго обязательного характера): бытование анализируемых лексем с «природной» основой отмечается в актовой письменности (отводных, купчих, разделных, окладных, жалованных и под. грамотах), писцовых, межевых, переписных, приходно-расходных книгах; лексемы с антропогенными «городскими» основами чаще встречаются в летописях. И в том, и в другом случае тип источников говорит об общеупотребительном характере лексических единиц. Лексемы со значением 'место за ориентиром' с «природной» основой в XV–XVII вв. выполняют идентифицирующую функцию, номинируя знаки границ земельных владений, так как, по утверждению И. А. Дамбуева, еще в XVII в. «топонимы служат лишь вспомогательным средством для определения границ и межей» [5, с. 114]. Анализируемые единицы, наряду с другими лексемами с пространственной семантикой, использовались для своего рода «словесного картографирования» при отсутствии планов

местности и наличии необходимости описания землевладельцев «с целью получить сведения и основания для податного обложения» [16, стб. 117].

Лексические единицы с «городскими» основами отражают устройство средневекового русского города: «...бесчисленные города, усевавшие пространство русских владений, были с укреплениями деревянными или земляными, то есть с валами и с тыном по валу. Города располагались так, чтоб около них находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стены, а иногда и несколько сторон примыкали к озеру, пруду или болоту; с других сторон, менее обеспокоенных местоположением, под стенами проводился ров» [9, с. 9]. Абсолютно логично, что чаще они встречаются в повествовательных контекстах, описывающих эпизоды политической истории нашего государства.

Синхронный срез XVIII века отражен в СлРЯ XVIII века. В словнике отсутствуют такие лексемы, как *заборье*, *завражье*, *загубье*, *задолье*, *задорица*, *задорожница*, *заисточье*, *закедровник*, *закустовье*, *закустье*, *залахта*, *заледье*, *залозье*, *залужье*, *залучье*, *замежек*, *замонастырье*, *замостовье* и *замостье*, *занивье*, *заовинье*, *заостровье* и *однокоренные*, *заострожье*, *заполица*, *заполок*, *заполосок*, *запосад*, *заровье*, *зарубежье*, *заручье*, *застенье*, *затынье*, *зауголье*, *захлебье*, *захребетье*. Ряд лексем дается в Словаре с другим значением. Так, в СРЯ XI–XVII вв. слово *закраина* имеет толкование ‘небольшой участок земли, неудобный для обработки, на краю пахотного поля’ [22, с. 224], в СОРЯ значение формулируется как ‘участок (пахотный или сенокосный), расположенный за краем поля (часто в межевой, пограничной зоне)’ и приводятся следующие контексты: А в тѣх есмь [Н. Ф. Тараканов с детьми] ему [А. Г. Бачуре] деньгах заложили деревню... двор и дворище, Горные земли орамье... и пожни, и перелогы, и **закраины**. АРГ, 263, 1525 г. Свои коровы... водили по пригору и **по закраинь**. А. Лодом. ц., 59, 1570 г. [Г. Неверов заложил] Наволоки и **со** всѣми **закрайнами** оброчные язъ пожни и пустыя восьмину пожинь своихъ. А. Лодом. ц., 169, 1602 г. В полѣ по логам и **по закраинам** и по межам сѣно косити. Сл. Перм. I, 193, 1629 г. [СОРЯ]. В СРЯ XVIII в. дается второе значение ‘край, кромка

чего-л.' с иллюстрацией: *У дороги закраины здѣлатъ*¹ [23, 7, с. 254], что соответствовало бы современному понятию *обочина*. Приведенный пример свидетельствует об утрате дифференциальных сем, указывающих на функциональное назначение участка земли, и о расширении значения слова.

Отмечены как выходящие из употребления слова *заморье*, *замосковный*; как новое слово фиксируются: *загуменье* 'место, за гумном находящееся, задворки' [23, 7, с. 205]; *залесье* 'место за лесом' Хлѣб в залѣсьѣ и глуши хуже родится, нежели на полях отвсюду вѣтрам открытых. Комов 54. [23, 8, с. 5]; *зарядье* 'место, находящееся за рядами лавок' Жить в зарядьѣ САР [23, 8, с. 83]; *захолустье* 1) 'тенистое место', 2) 'мѣсто в городѣ отдаленное или загороженное другими строениями. Живет в захолустьѣ, нескоро его сыщешь' [23, 8, с. 133–134]. Лексемы *залесье*, *зарядье*, *захолустье*, между тем, фиксируются СОРЯ и СРЯ XI–XVII вв.

В СРЯ XVIII в. есть лексемы, которые не отражены в СРЯ XI–XVII вв. и СОРЯ: *заколица* 'околица' По заколицам и близким мѣстам сего монастыря самопроизвольно вездѣ родилися конопля. Пут. Леп. I 377 [23, 7, с. 243]; *Запорожье* 'территория, расположенная за Днепровскими порогами' [23, 8, с. 64] (дается без иллюстраций к значению).

Сохраняются в употреблении в тех же значениях лексемы *заболоть*, *заволочье*, *загородье*, *задворок*, *заозерье*, *заполье*, *заречье*, *зарядье*, *заулок*.

Следующий этап истории анализируемых лексических единиц представлен материалами Словаря церковнославянского и русского языка 1847 г. В словник не включены лексемы *заворотье*, *завражье*, *загубье*, *зadolье*, *задорица*, *задорожница*, *зadубье*, *заисточье*, *закедровник*, *залесье*, *залозье*, *залуговье*, *залужье*, *залучье*, *залошье*, *заовинье*, *занивье*, *заостровье*, *заострожье*, *запосадь*, *заречье*, *заровье*, *заручей*, *захлебье*, *зауголье*, *захребетье*. Это обстоятельство дает нам основания заключить, что в литературно-письменной разновидности русского языка перечисленные слова выходят из активного употребления на момент составления Словаря. В то же время нужно иметь в виду и уровень развития лексикографии середины XIX в., ничем иным, на наш взгляд,

¹ Пример из Нового лексикона на французском, немецком, латинском и на русском языках, переводу Сергея Волчкова. СПб., [1755]–1764. Ч. 1. С. 279

нельзя объяснить факт того, что некоторые лексические единицы даются по таким источникам, как Полное собрание русских летописей, Акты юридические, Акты исторические, то есть фактически в СЦСРЯ 1847 г. включаются материалы древнерусских и старорусских памятников письменности, не отражающих актуального употребления языковых единиц. Приведем пример такой словарной статьи: **Заполье**. Мѣсто, лежащее за полемъ. Выгорѣло ... въ запольѣ 30 дворовъ. Полн. собр. русск. лѣт. III, 131 [24, II, с. 46]. В 3-м томе Полного собрания русских летописей [17] опубликована Ипатьевская летопись, где изложение доведено до 1292 г.

В СЦСРЯ зафиксирована лексическая единица, не отмеченная в предыдущих словарях: **Заселокъ** 'пустое, не застроенное мѣсто за селениемъ. Ходить по заселку' [24, II, с. 55]. В СРЯ XI–XVII вв. дается лексема *заселица* [22, с. 295], а в СРЯ XVIII в. – *заселье* [23, 8, с. 86], оба слова имеют значение 'поселок, выселок'. Иллюстрации не указывают со всей ясностью на наличие семы «находящийся за чем-либо» в структуре лексического значения приведенных слов.

Данные словарей XVIII и XIX вв. отражают выход из употребления значительного числа анализируемых языковых единиц в русском литературном языке. Особенно подчеркнем, что в XVIII в. выходит из употребления лексика с антропогенными «городскими» основами: *заворотье*, *загородье*¹, *заострожье*, *запосад*, *заровье*, *зарядье*, *застенье*, *затынье*.

Любопытные данные в связи с движением словарного состава обнаруживаются в НКРЯ. С одной стороны, НКРЯ подтверждает выход из употребления отдельных языковых единиц в обозначенный период; например, лексема *затынье* встречается только в Московском летописном своде (1479–1492) и Никоновской летописи (1176–1362 гг.) (1526–1530). С другой стороны, распределение результатов поиска по датам по отдельным словам показывает полное отсутствие употреблений в XVIII в., но фиксирует примеры употребления до и после XVIII в. Так, лексема *заозерье* фиксируется в текстах с 1447 г. по 1600 г. и с 1809 г. по 2018 г.; лексема *застенье* с 1100 г. по 1530 г., затем с 1813 г. по 2019 г. Данные НКРЯ, таким

¹ Не путать с существующим в говорах словом *загородье*, которое пережило стяжение гласных в приставках: *заогородье* > *загородье*.

образом, показывают сохранение в употреблении многих языковых единиц в текстах XIX и XX вв. Например: «Вот богатырь приударил коня и пустился вихрем по улицам **застенья** 167». [А. Ф. Вельтман. Кошей бессмертный. Былина старого времени (1833)]¹; «В болотах ночью да в **залесьях**, в поле ночью один, во глуши: тут кулички рассвистятся, тут зайцы кричат, тут селезни стрекочут...» [И. С. Тургенев. Касьян с Красивой Мечи (1851)]; «Нумменс с приставом Тимашевым действительно ехал в это время по **загородью**, Великою рекою к немецкому гостиному двору, на Завеличье; но когда поровнялся с Власьевскими воротами, то из них вышла толпа народу и бросилась на него: одни хотели тут же убить Нумменса ослопами, другие тащили к проруби, третьи спрашивали: как ему казна на Москве дана?» [С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том десятый (1860)]; «Вечером, когда уже начинало темнеть, мы с архимандритом Сергием прошлись по **загородью**, где некогда был пустырь, ныне же все застроено». [архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1898)]; «Напротив Синь-озеро во льду лежит полумесяцем, – девять вёрст из конца в конец да четыре ширина, – и **заозёрье** видать: три церкви Кудеярова, золотую главу Николы в Толоконцеве, а по эту сторону, у монастыря, Кудеяровские выселки прикурнули, двадцать три двора». [Максим Горький. Исповедь (1908)]; «Но их водоводие, Март Февралевич, не капелькал по календарному способу, и Табачихинский переулочек крепчал крупным настом; морозец, оживши, носы ущипнул; и носы стали ярко-брусничного цвета; согнулся под снегом заборик; стоял мешанин в **заворотье**; морошничал нищий; увы: длинноносыя праздность таит любопытство; и Грибиков выглядел крысыным лицом из окна на проход многолицых людей». [Андрей Белый. Москва. Часть 1. Московский чужак (1926)]; «Не помню уж, в какой летописи читал, что перед одним из страшнейших московских пожаров, «когда огонь полился рекою, камни распадались, железо рдело, как в горниле, медь текла и дерева обращались в уголь и трава в золу», – тоже раздирательно каркали вороны над посадом, Кремлем, заречьями и **загородьем**. [Анатолий Мариенгоф. Циники (1928)]; «В город ведет старенькая мостовая. Она называется **«замостьем»**. На замостье бу-

¹ Этот и следующие контексты взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

лыжник от булыжника на аршин, а между ними разная дрянь и ямы». [А. С. Макаренко. Три разговора (1937)] и т. д.

Заметно, что, начиная с начала XIX в., исследуемые лексемы употребляются уже не в юридических, но в художественных, публицистических, научных текстах. При этом лексемы с «природными» основами встречаются в описаниях природы, а лексемы с древними «городскими» основами встречаются в исторических контекстах – специальной литературе либо исторической прозе.

Дальнейшую судьбу существительных со значением ‘место за ориентиром’ можно проследить по материалам СРНГ, ряда других диалектных словарей БАС-3, НКРЯ. В говорах зафиксированы следующие лексемы: *заанга* [21, 9, с. 238], *забалка* [21, 9, с. 244], *забережье* [21, 9, с. 253], *заболонье* [21, 9, с. 265], *заболотина* [13, с. 270], *заболотня* [18, 11, с. 28], *заболоть* [20, 2, с. 93; 18, 11, с. 28], *заболотье* [13, с. 270; 18, 11, с. 28; 20, 2, с. 93; 21, 9, с. 265], *загородица* [18, 11, с. 148], *загорода* (в 3-м знач.) ‘Огороженный приусадебный сенокосный участок позади дома’ [20, 2, с. 110] и (во 2-м знач.) ‘Место за огородом’ [13, с. 280], *загородье* [18, 11, с. 151], *загорок* [13, с. 280], *загорье* [13, с. 280], *загранки* [21, 10, с. 27], *загрядок* [13, с. 281], *загубье* [18, 11, с. 162], *загуменки* [13, с. 281], *загуменье* [18, 11, с. 164; 21, 10, с. 37], *загумка* [21, 10, с. 37], *загумно* [20, 2, с. 112; 21, 10, с. 37], *загумны* [13, с. 280], *задорье* ‘местность за дором (расчищенным из-под леса возвышенным местом около села’ [21, 10, с. 66], *загумны* [13, с. 281], *задвор* [13, с. 282; 18, 11, с. 175], *задворица* ‘луг за деревней’ [21, 10, с. 46], *задворка* [21, 10, с. 46], *задворки* [18, 11, с. 175], *задворок* [13, с. 282; 21, 10, с. 46], *задворье* [18, 11, с. 176; 20, 2, с. 113], *задорога* [18, 11, с. 190; 21, 10, с. 65], *задорожница* [21, 10, с. 66], *задубье* [21, 10, с. 70], *зазерье* [18, 11, с. 207; 21, 10, с. 92], *закамень*¹ [21, 10, с. 115], *заклинье* [18, 11, с. 246], *законечник* [21, 10, с. 150], *закорожье* ‘озеро за каменной грядой’ [21, 10, с. 154], *закошечье* ‘глубокое место за песчаными мелями (кошками)’ [21, 10, с. 160], *закраек* [21, 10, с. 160], *закружье* [21, 10, с. 167], *закустье* [18, 11, с. 281; 21, 10, с. 181], *закуток* ‘место за каким-либо строением’ [21, 10, с. 185], *закутье* ‘место за дворами деревни, особенно овражистое’ [21, 10, с. 186], *залес* [21,

¹ Более корректно, вероятно, рассматривать эту лексему как топоним, ср. значение ‘местность по восточную сторону Яблонового хребта’ (Забайк.)

10, с. 201], *залесийко* [21, 10, с. 201], *залесина* [18, 11, с. 289; 21, 10, с. 201], *залесище* [21, 10, с. 201], *залесица* [13, с. 295; 18, 11, с. 289; 21, 10, с. 201], *залески* [18, 11, с. 289], *залесок* [13, с. 295; 18, 11, с. 289], *залесь* [18, 11, с. 289], *залесье* [13, с. 295; 18, 11, с. 289], *залесьище* [18, 11, с. 290; 21, 10, с. 202], *залуговье* [21, 10, с. 222], *залужье* [21, 10, с. 223], *замежье* [21, 10, с. 238], *замогилки* [21, 10, с. 250], *замоховщина* [18, 11, с. 338], *замошевые* [13, с. 301], *замошье* [21, 10, с. 260], *замшарье* [18, 11, с. 344]; *занаволока* [21, 10, с. 273], *заовины* [13, с. 304], *заогород* [13, с. 304], *заозёрка* [21, 10, с. 291], *заозёрница* [21, 10, с. 291], *заозеро* [13, с. 304], *заозерье* [18, 12, с. 19], *заоколица* [21, 10, с. 291], *заосек* и *заосека* [21, 10, с. 293], *заосечье* [21, 10, с. 293], *заостровка* [21, 10, с. 294], *заостровок* [21, 10, с. 294], *заостровье* [21, 10, с. 294], *запесок* [13, с. 306], *заполе* [13, с. 306], *заполек* и *заполок* [18, 12, с. 55; 20, 2, с. 140; 21, 10, с. 337], *заполица* [21, 10, с. 338], *заполка* [21, 10, с. 339], *заполосок* '2. Поле, находящееся за другим полем' [20, 2, с. 140–141], *заполье* [18, 12, с. 92; 20, 2, с. 141; 21, 10, с. 341], *запольище* [21, 10, с. 341], *заполька* [21, 10, с. 342], *запротока* [21, 10, с. 360], *запунье* 'место за амбаром, за пунью' [21, 10, с. 366], *запуток* [21, 10, с. 370], *запутье* [21, 10, с. 370], *зараме-ные* [13, с. 311], *зарек* и *зарека* [13, с. 312; 21, 10, с. 381], *зареченье* [21, 10, с. 382], *заречина* [18, 12, с. 92; 21, 10, с. 382], *заречище* [21, 10, с. 382], *заречье* [18, 12, с. 92], *заручье* [18, 12, с. 103; 20, 2, с. 147]; *зауголье* 'место за домом, двором, закоулок' [18, 12, с. 213], *заулесица* [13, с. 324], *заулесье* [13, с. 324], *заулок* 'место за домом или хозяйственной постройкой' [13, с. 324; 18, 12, с. 214], *захлевище* [18, 12, с. 231], *захожа* 'место за изгородью, окружающей пастбище (ухожу), куда не пускается скот' [21, 11, с. 158], *заявирье* 'место за обрывом, яром' [21, 11, с. 201].

НКРЯ выдает немногочисленные примеры употребления лексем со значением 'место за ориентиром' в текстах XXI в.: «Ограничимся таким фактом: начиная с пятого класса их ученики изучают реликтовые озера вологодского **заозерья**». [«В этой деревне огни не погашены» (2003) // «Сельская новь», 16.09.2003]; «Это слободы в тогдашнем **загородье**, фигура от Чистого пруда и Покровских ворот до Высокоязузского моста на Яузе и даже до Лыщикова переулка за Яузой». [Рустам Рахматуллин. Картина мира // «Новая Юность», 2008]; «Она сидела боком, покачивая ногой, на подоконнике в спаль-

не, на втором этаже нашего нового дома, и смотрела на мета-ния разлапистых ветвей дуба за забором, на волновавшуюся воду, дикое **заречье** с обесцветившимся лесом, по которому шквалы тянули темные полосы...» [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)].

БАС-3: заболотье [3, VI, с. 38] с пометой обл.; загород [3, VI, с. 131]; загорье [3, VI, с. 132] с пометой устар. и нар.-поэт.; заграница [3, VI, с. 135] с пометой разг.; загуменники [3, VI, с. 147] с пометой обл.; загуменье [3, VI, с. 147] с пометой обл.; задворки [3, VI, с. 157]; задворок [3, VI, с. 158] с пометой обл.; задворье [3, VI, с. 147] с пометой устар. и обл.; залесье [3, VI, с. 300] с иллюстрацией из текста И. С. Тургенева; залог [3, VI, с. 308] с пометой устар. и обл.; заморье [3, VI, с. 353] с пометой устар. и нар.-поэт.; заозерье [3, VI, с. 382–383]; заполье [3, VI, с. 428] с пометой устар. и обл.; Заполярье [3, VI, с. 428]; заречье [3, VI, с. 465]; зарубезье [3, VI, с. 471].

Подчеркнем, что словарь русского литературного языка (БАС-3) большинство анализируемых слов маркирует пометами обл., устар., нар.-поэт., сопровождая толкования иллюстрациями из художественных текстов, которые в принципе могут быть посвящены описанию деревенского быта прошедших времен. Так, в словарной статье с заголовочным словом задворье даются иллюстрации из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, рассказа «Хорь и Калиныч» И. С. Тургенева; в словарной статье к слову загуменники приводится контекст из повести Е. И. Замятина «Уездное» и т. п. Фактически, БАС указывает на принадлежность этих лексических единиц системе диалектного языка. Как стилистически нейтральные трактуются лексемы задворки, залесье, заозерье, топоним Заполярье¹, заречье и зарубезье.

Таким образом, в период с конца XIX – начала XXI вв. наметившаяся в первой половине XIX в. тенденция к разного рода ограничению употребления лексем с префиксом за- сохраняется: часть лексем типа загорье, задворье, застенье, затынье, загородье получают статус историзмов; основной массив сохранившихся в употреблении языковых единиц становится принадлежностью диалектной лексической системы русского языка и лишь немногочисленные лексические единицы (см.

¹ Интересно при этом, что, например, топоним Зарядье отсутствует в словнике.

выше материалы БАС-3) стилистически нейтральны и имеют общеупотребительный характер.

Обсуждение и выводы

Подводя итог сопоставления данных исторических, диалектных, толковых словарей русского языка и НКРЯ, можно сделать такие выводы.

Анализ широкого языкового материала подтверждает нашу гипотезу о том, что лексические единицы сходной морфемной структуры (префикс за- + корень со значением ориентира + суффикс) и типовым значением 'место за ориентиром' имеют один вектор развития в истории русского языка: будучи общеупотребительными в XV–XVII вв., в XVIII в. данные языковые единицы выходят из общего употребления и постепенно становятся словами, ограниченными в употреблении. Основной массив лексических единиц рассматриваемой модели, существовавших в общерусском языке допетровской эпохи, с конца XVIII – начала XIX в. активно вытесняется из книжно-письменной сферы употребления в устно-бытовую. Эта тенденция сохраняется вплоть до современного этапа развития русского языка. Остается в употреблении и в литературном языке, и в говорах лексика с основами, обозначающими элементы как городского пространства, так и пространства села либо деревни. Наиболее устойчивыми оказываются номинации пространства с «природными» основами, что обусловлено особенностями рельефа территории России.

Описанное выше перемещение слов из одного страта языка в другой, как нам видится, обусловлено следующими факторами.

Динамика лексического состава изучаемой группы, в частности, выход из активного употребления лексики с «городскими» основами, связана с тем, что «[в] XVI в. начинается переустройство общей системы городских укреплений. <...> укрепленные центры старых городов деградируют» [27, с. 43] в условиях создания централизованного государства. Как указывают историки архитектуры, в середине XVII в. властями было начато «посадское строение» – упорядочение городов, в результате чего были ликвидированы «белые места», проведена перепланировка и выправление уличной сети [27, с. 48]. Важнейшим периодом в развитии провинциальных городов

России называют вторую половину XVIII в., когда «проводились грандиозные административно-территориальные реформы екатерининского времени»¹. «Эти реформы сопровождалась необычайными по широте охвата и кардинальности градостроительными преобразованиями на принципах регулярности. Именно в этот период губернские и уездные центры России начали превращаться из городов средневековых в города нового времени, в города европейского типа»². Средневековый город с выдвинутой на первый план оборонительной функцией становится фактом истории, а вместе с ним устаревают слова, обозначающие элементы пространства древнерусского города. Одновременно трансформировалась система ориентации в городской среде, «[а]дрес становился все более похожим на современный; появились даже адреса домовладений с литерами и нумерация квартир внутри одного дома», – пишет Д. С. Дегтярев³, в связи с чем система прежних ориентиров становится нерелевантной.

Изменение сферы употребления лексем исследуемого типа с общеупотребительной на локально ограниченную, по нашему мнению, связано прежде всего с развитием межевания в России. «К началу XVIII в. межевание становится элементом государственной земельно-распорядительной политики» [15, с. 29], что влечет за собой неизбежную регламентацию языковых средств, обслуживающих этот вид деятельности, о чем говорит появление соответствующих регулирующих документов, как то: Инструкция межевщикам № 10237 от 13 мая 1754 г.⁴; Инструкция Межевым Губернским Канцеляриям и Провинциальным Конторам № 12659 от 25 мая 1766 г.⁵; Наставление Правительствующаго Сената из Межевой Экспедиции определенным к Государственному земель

¹ Смирнов Г. К. Общественная архитектура второй половины XVIII века в провинциальных городах России: дис... канд. искусствоведения. М., 2003. С. 8. См. также: [Тверской, с. 170].

² Смирнов Г. К. Указ. соч. С. 8.

³ Дегтярев Д. С. Раннеиндустриальный этап в развитии пространства российского города (на материалах Томской губернии) // Исторический курьер. 2018. № 2. Статья 7. Электронный ресурс. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-07.pdf> (ата обращения: 10.02.2024).

⁴ ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XIV. С. 104–161. Электронный ресурс. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/260-rossiya-zakonny-i-postanovleniya-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-2-e-spb-1830-1885> (дата обращения: 10.02.2024).

⁵ ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVII. С. 716–794. Электронный ресурс. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/260-rossiya-zakonny-i-postanovleniya-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-2-e-spb-1830-1885> (дата обращения: 10.02.2024).

размежеванию Землемерам № 12711 от июля 1766 г.¹ (см.: [5]). Язык права, как писал В. В. Колесов, «всегда отражал основные изменения в системе родного языка и намеренно уклонялся от архаизмов любого происхождения как в форме, так и в семантике» [7, с. 121], отражая реальные юридические процедуры. Вслед за развитием практики межевания изменяются языковые средства обозначения границ владений, усиливается роль топонимов при общем снижении роли общепотребительных лексических единиц в связи с появлением «... планов, чертежей, первых карт. <...> В Своде межевых законов правила составления планов регламентируют использование самых разнообразных знаков, обозначающих разные виды объектов: селения, заводы, фабрики, мельницы, земли под усадьбами, пашни, леса, сенные покосы, реки, речки, горы, овраги, озера, мхи, болота, дороги и т. д.» [5, с. 114].

Нарастающие различия между системами ориентации в пространстве города и деревни (адресная система vs ее отсутствие), занятиями горожан и сельских жителей (торговля, ремесла vs земледелие, промысел), сохранение в деревенском быту реалий, не известных городскому жителю, приводят к вытеснению лексем типа *заовинье*, *захлевище*, *загумнье*, *задорье*, *захожа*, *заозерье*, *заполье*, *закустовье*, *замошье* и под. из письменных текстов горожан в устную речь жителей русской деревни.

В качестве перспективы исследования мы видим изучение семантического развития лексических единиц с префиксом *за-* и лексическим значением ‘место за ориентиром’ в связи с изменением сферы употребления, а также выявление условий топонимизации нарицательных имен в истории языка (эта тенденция совершенно отчетливо просматривается при анализе контекстов употребления существительных указанного типа).

¹ ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVII. С. 876–912. Электронный ресурс. URL: <http://elibrary.ru/nodes/260-rossiya-zakony-i-postanovleniya-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-2-e-spb-1830-1885> (дата обращения: 10.02.2024).

Список литературы

1. Алексеев А. А. Семантическое «снижение» как отражение социальной структуры в русском языке XVIII в. // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. – СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2013. – С. 145–153.
2. Астахина Л. Ю. Лингвистическое источниковедение и историческая лексикология // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – 2008. – № 1(11). – С. 7–17. EDN: KVAGON.
3. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. [ред.: Л. И. Балахонова]. В 30 тт. – М.: Наука; СПб.: Наука, 2006. – Т. VI. – 825 с.
4. Виноградов В. В. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. / Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет "Рус. яз.". Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 1999. – 1138 с.
5. Дамбуев. И. А. Эволюция концепции топонима в России в XVII–XIX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1–2(67). – С. 113–116. EDN: XΠOСI.
6. Живов В. М. История языка русской письменности. – В 2 тт. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – Т. I. – 816 с.
7. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Наука, 1989. – 294 с.
8. Колокольникова М. Ю. Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 3–6. EDN: MTWDLR.
9. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М.: Юрайт, 2024. – 194 с.
10. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Ларин Б. А. Филологическое наследие: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 656–659.
11. Лебедева Т. Е. Структурно-семантические особенности пространственной лексики с приставкой за- в русских говорах // Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ф. П. Сороколетова (22–24 апреля 2024 г.) / отв. ред. О. Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – С. 57–58.
12. Мещерский Н. А. Критические заметки по русской исторической лексикологии // Русская историческая лексикология и лексикография. – Л., 1977. – Вып. 2. – С. 42–50.
13. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – 1435 с.
14. Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 430 с.
15. Петровская Т. С. Межевание как способ юридического оформления земельно-распределительных отношений в России: историко-правовое исследование // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 26–32. EDN: JVUOVN.
16. Православная богословская энциклопедия или богословский энциклопедический словарь, содержащий в себе необходимые для каждого сведения по всем важнейшим предметам богословского знания в алфавитном порядке: В него входят статьи по всем богословским наукам, как то: I. Св. писание и библейская история и археология. II. Основное, догматическое и нравственное богословие. III. Церковная история – всеобщая и русская / Изд. под ред. проф. А. П. Лопухина. Т. 1–12. – Петербург: тип. А. П. Лопухина, 1900–1911. – Т. 12: Книги символические – Константинополь. – 1911. 904 стб., 905–928 с.
17. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. – 1843. – Т. 2: III. Ипатьевская летопись. – IX, 1381 с.
18. Псковский областной словарь с историческими данными. – Л., СПб.: Изд-во Ленинградского университета; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967– (продолжающееся издание).
19. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 7–34.

20. Словарь вологодских говоров. Учеб. пособие по рус. диалектологии / Вологод. гос. пед. ин-т; ред. Т. Г. Паникаровская / [Сост. Л. Ю. Зорина и др.]. – Вологда, 1985. – Вып. 2: Д-З. – 181, [3] с.

21. Словарь русских народных говоров. – М., Л.: Наука, 1965– (продолжающееся издание).

22. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. 5. – 392 с.

23. Словарь русского языка XVIII в. – Л.: Наука, 1984– (продолжающееся издание).

24. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. – СПб: в Тип. Императорской акад. наук, 1847.

25. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). – Изд. 2-е, доп. – М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. – 381 с.

26. Судаков Г. В. История русского слова. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 360 с.

27. Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века: Планировка и застройка русских городов. – Л.; М.: Гос. изд-во лит. по стр-ву и архитектуре, 1953. – 215 с.

28. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. – Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 173 с.

Tatiana E. Lebedeva

Dynamics of the Group of Nouns With the Meaning 'Place Behind a Landmark' in the History of the Russian Language

The purpose of this study is to identify the movement of the common nouns with the prefix *za-* ('behind') and the lexical meaning 'place behind a landmark' in the period of the 15th – 21st centuries. The material is based on data from historical, dialect dictionaries of the Russian language, the Large Academic Dictionary of the Russian Language and the National Corpus of the Russian Language. Units of the lexical group are considered on different stages of its development: XV – XVII centuries, XVIII centuries, XIX centuries, XX–XXI centuries. The facts of the withdrawal of lexical units from active use and the entry of new lexemes into the group are revealed; Typical contexts of their use are determined. The movements of the analyzed lexemes from one stratum of the Russian language to another are traced, and an attempt is made to determine the extralinguistic factors that determined the historical processes in the group under study. A conclusion is made about the archaization of some lexemes in connection with the development of urban planning, the movement of a large number of lexical units into the dialect system of the Russian language in connection with the social and legal aspects of social life.

Key words: historical lexicology, spatial semantics, dialect vocabulary, lexical-semantic group.

For citation: Lebedeva, T. E. (2024) Dinamika leksicheskogo sostava gruppy imen sushchestvitel'nyh so znacheniem 'mesto za orientirov' v istorii russkogo yazyka [Dynamics of the Group of Nouns With the Meaning 'Place Behind a Landmark' in the History of the Russian Language]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 118–140. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_118. EDN: RKQYDB

References

1. Alekseev, A. A. (2013) Semanticheskoe «snizhenie» kak otrazhenie social'noj struktury v russkom yazyke XVIII v. [Semantic "descension" as a reflection of social structure in Russian language of XVIII century]. *Ocherki i etyudy po istorii literaturnogo yazyka v Rossii* [Essays on the Russian literary language]. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo. Pp. 145–153. (In Russian).

2. Astahina, L. YU. (2008) Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoricheskaya leksikologiya [Linguistic source study and historical lexicology]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta – Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University*. No. 1 (11). Pp. 7–17. (In Russian).
3. Balahonova, L. I. (2006) (ed.) *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [The Large Academic dictionary of Russian language]. Moscow: Nauka; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
4. Vinogradov, V. V. (1999) *Istoriya slov: Ok.1500 slov i vyrazhenij i bolee 5000 slov* [The history of the words, about 1500 words and expressions connected with them]. Moscow (In Russian).
5. Dambuev, I. A. (2017) Evolyuciya koncepcii toponima v Rossii v XVII–XIX vv. [Evolution of toponymia theory in Russia of XVII–XIX centuries]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of theory and practice*. No. 1–2(67). Pp. 113–116. (In Russian).
6. ZHivov, V. M. (2017) *Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti* [The history of the language of the Russian texts]. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauki. (In Russian).
7. Kolesov, V. V. (1989) *Drevnerusskij literaturnyj yazyk* [Old Russian literary language]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
8. Kolokol'nikova, M. YU. (2010) Diskurs-analiz i korpusnyj analiz v issledovaniyah v oblasti istoricheskij leksikologii [Discourse analysis and corpus analysis in research in historical lexicology]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. The New series. Philology. Journalism*. Vol. 10. No 2. Pp. 3–6. (In Russian).
9. Kostomarov, N. I. (2024) *Ocherk domashnej zhizni i npravov velikoruskogo naroda v XVI i XVII stoletiyah* [Essay on the home life and morals of the Great Russian people in the 16th and 17th centuries]. Moscow: YUrajt Publ. (In Russian).
10. Larin, B. A. (2003) Zametki o «Slovare obihodnogo yazyka Moskovskoj Rusi» [The Notes about the “Dictionary of the everyday language of Muscovite Rus”]. *Filologicheskoe nasledie: Sb. statej* [Philological heritage: Digest of articles]. Pp. 656–659. (In Russian).
11. Lebedeva, T. E. (2024) Strukturno-semanticheskie osobennosti prostranstvennoj leksiki s pristavkoy za- v russkijh govoraх [Structural and semantic features of spatial vocabulary with prefix za- in Russian dialects]. *Tezisy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchenoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya F. P. Sorokoletova (22–24 aprelya 2024 g.)* [Abstracts of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of Ph. P. Sorokoletov's birth (April, 22–24, 2024)]. St. Petersburg. Pp. 57–58. (In Russian).
12. Meshcherskij, N. A. (1977) Kriticheskie zametki po russkoj istoricheskij leksikologii [Critical notes on Russian historical lexicology]. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Russian historical lexicology and lexicography]. Vol. 2. Pp. 42–50. (In Russian).
13. Levichkin, A. N., Myznikov, S. A. (2010) (eds.) *Novgorodskij oblastnoj slovar'* [Novgorod regional dictionary]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
14. ZHivov, V. M. (2009) (ed.) *Ocherki istoricheskij semantiki russkogo yazyka rannego novogo vremeni* [Essays on the historical semantics of the Russian language in early modern times]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ. (In Russian).
15. Petrovskaya, T. S. (2018) Mezhevanie kak sposob yuridicheskogo oformleniya zemel'no-raspredelitel'nyh otnoshenij v Rossii: istoriko-pravovoe issledovanie [Land surveying as a way of legal registration of land distribution relations in Russia: historical and legal research]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik – North Caucasian Legal Bulletin*. No. 1. Pp. 26–32. (In Russian).
16. Lopuhin, A. P. (1900–1911) (ed.) *Pravoslavnaya bogoslovskaya enciklopediya ili bogoslovskij enciklopedicheskij slovar', sodержashchij v sebe neobhodimye dlya kazhdogo svedeniya po vsem vazhnejshim predmetam bogoslovskogo znaniya v alfavitnom poryadke: V nego vkhodyat stat'i po vsem bogoslovskim naukam, kak to: I. Sv. pisanie i biblejskaya istoriya i arheologiya. II. Osnovnoe, dogmaticheskoe i npravstvennoe bogoslovie. III. Cerkovnaya istoriya – vseobshchaya i russkaya* [Orthodox Theological Encyclopedia]. St. Petersburg. (In Russian).
17. *Polnoe sobranie russkijh letopisej, izdannoe po vysochajshemu poveleniyu Arheograficheskoy komissiiy (1843)* [Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archaeographic Commission. Vol. 2 Ipat'evskaya chronicle]. Vol. 2: III. Ipat'evskaya letopis'. (In Russian).

18. Ivashko, L. A., Lutovinova, I. S., Tarasova, M. A. (1967-) (eds.) *Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Leningrad, St. Petersburg: Izdatel'stvo Leningradskogo un-ta; Izd-vo St. Petersburg. un-ta. (In Russian).

19. Savchuk, S. O., Arhangel'skij, T. A., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, YU. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., Podryadchikova, M. V. (2024) Nacional'nyj korpus russkogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya [National corpus of the Russian language]: 2.0: new opportunities and development prospects]. *Voprosy yazykoznaniya – Linguistic issues*. No. 2. Pp. 7–34. (In Russian).

20. Panikarovskaya, T. G. (1985) (ed.) *Slovar' vologodskih govorov. Ucheb. posobie po rus. dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vologda: VSU Publ. (In Russian).

21. Filin, F. P. (1965-) (ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

22. Barhudarov, S. G. (1975) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of XI–XVII c.]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

23. Sorokin, YU. S. (1984-) (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of XVIII c.]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

24. *Slovar' cerkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj akademii nauk (1847)* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, compiled by the Second Section of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: v Tip. Imperatorskoj akad. nauk. (In Russian).

25. Sorokoletov, F. P. (2009) *Istoriya voennoj leksiki v russkom yazyke (XI–XVII vv.)* [History of military vocabulary in Russian language]. Moscow: URSS: LIBROKOM Publ. (In Russian)

26. Sudakov, G. V. (2015) *Istoriya russkogo slova* [History of Russian word]. Vologda: VoGU. (In Russian).

27. Tverskoj, L. M. (1953) *Russkoe gradostroitel'stvo do konca XVII veka: Planirovka i zastrojka russkikh gorodov* [Russian urban planning until the end of the 17th century: Planning and development of Russian cities]. Leningrad; Moscow: Gos. izd-vo lit. po str-vu i arhitekture. (In Russian).

28. Filin, F. P. (2008) *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka* [Historical lexicology of Russian language]. Moscow: LKI Publ. (In Russian).

Об авторе

Лебедева Татьяна Евгеньевна, заведующий кафедрой русского языка и филологического образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); E-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000–0002–2837–8385

About the Author

Lebedeva Tatiana E., Head of the Department of Russian Language and Philological Education, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); E-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000–0002–2837–8385

дата получения: 23.07.2024 г.
дата принятия: 30.08.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 23 July 2024
date of acceptance: 30 August 2024
date of publication: 30 September 2024